

Этот год посвящается Марине Цветаевой. Все-таки настал черед по-настоящему воздать должное ее «стихам, как драгоценным винам». Наконец-то воздастся сполна этой прекрасной поэтессе, которой, по словам А. Т. Твардовского, принадлежит в развитии русского стиха такая несомненная и значительная роль, что так или иначе с ее творчеством должен быть знаком всякий интересующийся поэзией человек.

Я не считаю себя знатоком поэзии и тем более не претендую на роль критика. Но этими заметками хотел бы вложить свою веточку в огромный венок памяти великой поэтессе и патриоту земли русской.

Два обстоятельства заставили меня это сделать. В 1970 году в Праге мне дали почтить письма Марины Цветаевой к Анне Тесковой, которые за год до этого опубликовало пражское издательство «Академия». Я тогда прикоснулся к чему-то удивительному и необычному, что надолго оставляет след в душе каждого, кто ценит человеческую красоту, талант и дружбу — настоящую, бескорыстную. Все понимали, что в то время эти письма, о которых мир узнал после «пражской весны», не могли быть изданы у нас в стране — иде-

ологические церберы строго стояли на страже всего, что хоть как-то было связано с русской эмиграцией. А теперь? «Бедные, но гордые» — тако-го принципа всегда придержи-вались истинные российские интеллигенты. Его исповедовала и Марина Ивановна, о чем, в частности, говорят ее письма к дорогой ей Анне Тесковой. А переписывались они более 12 лет! И вот теперь, по прошествии столь долгого времени, мне снова захотелось перечитать эти драгоценные страни-цы.

Я обзвонил все большие московские библиотеки и выяснил, что «Письма» (пражское издание) дадут почитать только в нашей главной российской библиотеке, бывшей Ленинке. Там же, по специальному разрешению, можно ознакомиться с их иерусалимским изданием. И все! Я, правда, не знаю многочисленных издательских планов на этот год, может быть, кто-то уже обратил к этой редкой и необыч-ной книге. Тогда воздастся ему!

И второе. Пользуясь случаем, хочу познакомить вас с русской пражанкой Галиной Борисовной Ваничковой. Она уже давно связала свою судьбу с Прагой, она — известный русист и педагог, преподает в Карловом университете, мно-го усилий посвятила всему, что связано с пребыванием Цветаевой в Чехословакии. Была одним из инициаторов установле-ния мемориальной доски в Праге на доме, где жила поэ-тесса. Сама того не ожидая, Галина Ваничкова в начале восьмидесятых своей деятель-ностью по популяризации в коммунистической стране твор-чества Цветаевой вызвала не-удовольствие со стороны пар-

тийных властей. Это было, в частности, высказано в статье «О Марине Цветаевой и хоро-ших эмигрантах», которую опубликовала известная свои-ми крайними взглядами про-фессор Ева Фойткова в еже-недельнике «Творба». Может быть, к Галине Борисовне, так преданной Цветаевой, переш-ли ее черты — решитель-ность, неукротимость и стрем-ление к определенности?

Эти заметки можно было бы назвать «Марина Цветаева и Прага». И нитью, которая нас поведет по ее любимому го-роду, как раз и будут письма М. Цветаевой к А. Тесковой, ее творчество, а также рассказ Галины Ваничковой о ее нахо-дках в пражских и зарубежных архивах, о переписке с людь-ми, близко связанными с Цве-таевой.

«...Я Прагу люблю первой после Москвы и не из-за «род-ного славянства», из-за собст-венного родства с нею: за ее смешанность и многодушие. Ах, какую чудесную повесть можно было бы написать на фоне Праги. Без фабулы и без тел: роман Душ».

Марина Цветаева прожила в Чехии около трех с половиной лет. В 1922 году покинула Рос-сию и через Берлин после дол-гих лет разлуки приехала к мужу. Сергей Эфрон, бывший русский офицер, в то время учился в Пражском универси-тете на стипендию, выделен-ную правительством Чехосло-вакии в рамках известной «русской акции» помощи эми-грантам из России.

В первое время Прага ей ка-жется пристанищем, где можно собрать силы для жизни и ра-боты. Но оказалось, что здесь нет возможности заплатить за квартиру, и она переезжает с места на место, по маленьким

городкам и пригородам, топят печи, стирает, заботится о де-тях. И при этом находит в се-бе силы писать.

Галине Ваничковой удалось установить все адреса скита-ний Цветаевой. В этом ей по-могли А. С. Эфрон, письма поэтессы к ее друзьям, осо-бенно к А. В. Бахраху и А. А. Тесковой.

«...дом, где жила мама в Гор-них Мокропсах, нетрудно най-ти и сейчас... в 20-е годы там была лавка пана Саски; двух-этажный дом, мы жили на вер-ху», — пишет Ариадна Эфрон. Еще один адрес в тех же Гор-них Мокропсах. Пишет Марина Цветаева: «...крохотная горная деревенька, живем в послед-нем доме ее, в простой избе. Действующие лица жизни: ко-лодец-часовой, куда чаще все-го по ночам или ранним утром бегаю за водой — внизу холма, цепной пес — скрипящая ка-литка».

А вот обратный адрес на конверте письма Константину Родзевичу помог найти дом в Праге на Смихове по улице Шведской.

«...в Праге у меня хорошо: огромное окно на весь город и все небо, улицы — лестница-ми, даль, поездка, туман».

Были еще Иловищи, Долни Мокропсы и Вшеноры. Дом во Вшенорах описала Ариадна Эфрон в одном из писем Га-лине Борисовне: «...я бы доро-го дала за снимки внешнего и внутреннего вида левой сторо-ны домика, где мама жила ко-гда-то с новорожденным Му-ром и где столько было напи-сано, где бывали такие инте-ресные люди того времени! Двухэтажный дворик — на вер-хнем этаже его стояла березо-вая беседка, в которой был написан почти весь «Крысо-лов». В левой половине доми-

ка — большая комната (там родился брат) и в начале ку-хонька...»

Любила Цветаева Карлштейн с его необыкновенно красивым замком, куда совершала про-гулки из Мокропсов и Вшенор. Все говорит о том, что больше нигде в Чехословакии она не была, если не считать поездку на несколько дней в Моравску Тшебову, где училась и жила в интернате ее дочь.

Знакомство со страной, на-родом и его культурой сосре-доточиваются для поэтессы на Праге. Поэтому чехословацкий период ее творчества можно считать пражским, это позво-ляет сделать и сама Марина Ивановна, сообщая Анне Тес-ковой: «из 153 страниц текста «после России» 133 падают на Прагу». И среди них поэмы «Молодец» и много, много прекрасных стихов и, конечно, «Поэма Горы» и «Поэма Кон-ца». Пражский период, по все-общему признанию, считается самым плодотворным в твор-честве Цветаевой. Интенсив-ность душевного подъема в то время достигает такого преде-ла, который позже уже не по-вторится. Главная причина: то время, которое и у других поэ-тов было «девятым валом» их творчества. Свою роль сыграли и личные переживания: недав-няя смерть маленькой дочери, встреча с мужем, неожиданное сильное чувство к его прак-скому другу, рождение давно «вымечтанного» сына. Все это поднимало поэтессу на «высту-пы радости или отчаяния» — на тех высотах, чтобы не захо-дилось, нужно было «выды-шаться в стих».

Необходимо добавить, что это было и время, когда Цве-таевой в Праге еще были даны возможности для публикации и

когда не была так мучительна тоска по родине.

С любовью к Праге у нее соединяется и любовь к чеш-ской музыке: «...иногда музы-ка, от которой у меня сразу падает и взлетает сердце, ка-кая-то повелительно родная, в которой я все знаю — хотя слышу в первый раз. И это все-гда — Сметана. Вообще — чеш-ское».

Из писем узнаем, что М. Цветаева знала гашековского Швейка, очень любила К. Ча-пека, о смерти которого писа-ла: «...жалею в нем чеха, жа-лею в нем собрата... нашего полку еще убыло». С поэтес-сой был хорошо знаком изве-стный чешский писатель и пуб-лицист, знаток русской лите-ратуры Франтишек Кубка, позже написавший о ней воспомина-ния. О письмах Цветаевой он говорил, что они очень напо-минают корреспонденцию Бо-жжени Немцовой, «...тоже о нужде, о бессердечных изда-телях, о несчастном муже, ищущем возможности зарабо-тка, о детях, досыта не накорм-ленных, о домохозяйках, тре-бующих плату». А вот из пись-ма Цветаевой Валентину Булга-кову узнаем, что она какое-то время была редактором в ли-тературном сборнике «Ков-чег».

В фонде В. Ф. Булгакова, ко-торый, как известно, был сек-ретарем Л. Н. Толстого, в ли-тературном архиве Памятника чешской письменности нашлось письмо А. Тесковой: «...с суб-боты знаю: нет Марины! Нико-гда уже не получу письма с дорогим ее почерком. И тщет-ные все мечты о встрече. Ужас-нее всего: ведь могла жить! Никак на ум нейдет, что этот мужественный человек с неиз-меримым богатством в душе,

когда не была так мучительна тоска по родине.

когда не была так мучительна тоска по родине.

когда не была так мучительна тоска по родине.

когда не была так мучительна тоска по родине.

когда не была так мучительна тоска по родине.

когда не была так мучительна тоска по родине.

когда не была так мучительна тоска по родине.

когда не была так мучительна тоска по родине.

когда не была так мучительна тоска по родине.

когда не была так мучительна тоска по родине.

когда не была так мучительна тоска по родине.

когда не была так мучительна тоска по родине.

когда не была так мучительна тоска по родине.

когда не была так мучительна тоска по родине.

когда не была так мучительна тоска по родине.

когда не была так мучительна тоска по родине.

когда не была так мучительна тоска по родине.

когда не была так мучительна тоска по родине.

когда не была так мучительна тоска по родине.

когда не была так мучительна тоска по родине.

изображения следовали бы за мной повсюду».

Уже никогда потом не уда-лось Цветаевой увидеть «свою Прагу». Но она была с ней в самое тяжелое для города время, в дни оккупации гер-манскими фашистами. «Стихи к Чехии», воспевающие так по-любившийся ей чешский народ, негодующие и протестующие, Марина Цветаева, конечно же, посылает Анне Тесковой, про-сит их дать почтить чехам. «...бесконечно люблю Чехию и бесконечно ей благодарна, но не хочу плакать над ней, а хо-чу ее петь».

Не умрешь, народ!
Бог тебя хранит!
Сердцем дал — гранат,
Грудью дал — гранит.
Прощай, народ! —
Твердый, как скрижал,
Жаркий, как гранат,
Чистый, как хрусталь.

Еще я узнал, что в знамени-той пражской Славянской би-блиотеке собрана значительная библиография, посвященная творчеству М. И. Цветаевой. Была традиция, добавила Га-лина Ваничкова, когда на Карло-вом мосту у Брунцвика соби-рались «цветаевоведы», совет-ские туристы, вместе ходили по цветаевским местам...

Как недавно и как давно это было!

Юрий ШУГРИН.
ПРАГА — МОСКВА.